

ЮНЕСКО

ДОКТОР
ПРОКТОР И ЕГО
МАШИНА ВРЕМЕНИ

Доктор Проктор и всё-всё-всё

Ю Несбё

**Доктор Проктор и
его машина времени**

«Азбука-Аттикус»

2008

Несбё Ю.

Доктор Проктор и его машина времени / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус», 2008 — (Доктор Проктор и всё-всё-всё)

ISBN 978-5-389-06767-7

Если вы уже знакомы с доктором Проктором, то знаете, что его хлебом не корми, только дай изобрести что-нибудь безумное (в хорошем смысле). Если вы уже знакомы с Лисе, то знаете, что у нее очень мало друзей. Говоря по совести, у нее лишь один друг – Булле из дома напротив. Если вы уже знакомы с Булле, то знаете, что это самый мелкий, самый рыжий, самый шустрый и самый неунывающий мальчишка во вселенной. Ах да, еще самый веснушчатый! А если вы с ними не знакомы, то это ничего, познакомиться не поздно и сейчас, когда вся троица вот-вот влипнет в историю. Точнее, в Историю. И не влипнет, а окунется, потому что так уж устроена машина времени доктора Проктора. Заодно вам представится редкая возможность узнать, почему на самом деле Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, за что на самом деле хотели казнить Жанну Д'Арк и откуда на самом деле взялась идея Эйфелевой башни в Париже. Держитесь крепче, головокружительные гонки во времени начинаются! Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-389-06767-7

© Несбё Ю., 2008

© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Глава 1. Открытка из Парижа	6
Глава 2. Подвал доктора Проктора	15
Глава 3. Часовая лавка «Лангфракк»	26
Глава 4. В Париж	34
Глава 5. Канкан, улитки и Маргарин	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ю Несбё

Доктор Проктор и его машина времени

Doctor Proctors tidsbadekar

Copyright c Jo Nesbo 2008

Illustrations Copyright c Per Dybvig 2008

Published by arrangement with Salomonsson Agency

This translation has been published with the financial support of NORLA

© Б. Жаров, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Открытка из Парижа

В спортзале царила тишина. Ни единого звука не издавали двенадцать коричневых секций шведской стенки, старый гимнастический конь, обтянутый потрескавшейся кожей, восемь серых потертых канатов, неподвижно свисающих с потолка, а также шестнадцать мальчиков и девочек – оркестр школы «Укромный уголок», который замер, напряженно глядя на дирижера Мадсена.

– Приготовились!..

Мадсен поднял дирижерскую палочку и оглядел оркестр сквозь темные стекла солнцезащитных летчицких очков. Заранее пугаясь того, что вот-вот произойдет, дирижер поискал глазами Булле – свою последнюю надежду. Мадсен знал, что другие музыканты дразнят рыжего трубача за его маленький рост, ну и пусть. Зато в отличие от них этот низкорослый мальчишка был прирожденным музыкантом и мог выручить весь оркестр. Не найдя Булле, взгляд Мадсена остановился на девочке по имени Лисе. Насколько знал Мадсен, эта юная кларнетистка была единственной, кто дружил с Булле. А еще он знал, что Лисе была единственной, кто репетировал дома. Может быть, все еще обойдется...

– Внимание...

Оркестранты подняли инструменты. Тишину нарушали только звуки погожего октябрьского дня, доносившиеся через окно: пение птиц, стрекот газонокосилки, смех младшеклассников, игравших во дворе. Но в спортзале господствовал мрак. И скоро этот мрак сгустится еще больше...

– Начали! – закричал Мадсен и царственным жестом взмахнул палочкой.

Сначала ничего не изменилось – по-прежнему пели птицы, стрекотала газонокосилка, смеялись малыши. И вдруг тишину разорвал рев трубы, испуганно заверещал кларнет, бухнул, пробуя голос, большой барабан. Потом без предупреждения загрохотал малый барабан, отчего проснулась и истошно заблеяла валторна, а в последнем ряду оркестрантов фыркнул кто-то огромный, – наверное, так фырчит синий кит, всплыв на поверхность после недельного пребывания в глубинах. Но каждый звук был сам по себе, и лицо Мадсена все больше багровело, предвещая неминуемый взрыв.

– Три, четыре! – Мадсен размахивал палочкой, как будто она была хлыстом надсмотрщика, а музыканты – прикованными к римским галерам гребцами. – Смотрите на меня и держите ритм! Это же «Марсельеза», французский гимн! Выше нос, ну!

Но никто и не думал поднимать нос. Одни музыканты играли, уткнувшись в ноты, другие – крепко зажмурившись, будто тужились на горшке.

Мадсен сдался и опустил руки. Музыка смолкла, и лишь туба продолжала в одиночестве рычать.

– Стоп, стоп, стоп! – закричал Мадсен и подождал, пока туба не замолчит. – Слышали бы это французы! Они сначала отрубили бы вам головы на гильотине, а потом сожгли на костре то, что осталось. «Марсельеза» требует уважения!

Пока Мадсен продолжал бушевать, Лисе наклонилась к соседнему стулу и прошептала:

– Я взяла с собой открытку от доктора Проктора. Она очень странная.

Из-за помятой трубы ответил голос:

– Самая обычная открытка, если хочешь знать мое мнение. «Лисе и Булле, привет из Парижа. С приветом, доктор Проктор». Ты ведь говорила, там вроде как-то так написано?

– Да, но...

– Вообще-то, это необыкновенно обыкновенная открытка, Лисе. Единственное необычное в том, что она пришла от такого необычного человека, как доктор Проктор.

Их прервал громкий оклик Мадсена:

– Булле! Оказывается, ты здесь?

– Так точно, сержант! – прозвучал голос из-за помятой трубы.

– Встань, чтобы мы тебя видели, Булле!

– Будет сделано, о главнокомандующий веселой музыки и всех звуков Вселенной!

Маленький рыжий мальчик с большими веснушками и широкой улыбкой взобрался на стул и показался из-за пюпитра. Собственно говоря, он был не просто маленький, а очень маленький. И волосы у него были не просто рыжие, а ослепительно-рыжие. И улыбка не просто широкая, а такая широченная, что делила его маленькое лицо на две половины. И веснушки не просто большие, а... ну ладно, ладно, просто большие.

– Сыграй нам «Марсельезу», Булле! – прорычал Мадсен. – Так, как ее положено играть.

– Слушаю и повинуюсь, о мать всех дирижеров и владыка всех янычар к северу от Сахары и к востоку от...

– Оставь эти глупости, играй!

И Булле заиграл. Мягкий теплый звук взмыл к потолку спортзала, вылетел из окна в погожий осенний день, и птицы тут же замолкли, словно устыдившись своего щебета и прислушавшись к прекрасной мелодии. Во всяком случае, так думала Лисе, слушая, как ее маленький сосед и самый лучший друг играет на старой трубе своего дедушки. Лисе любила кларнет, но труба – это отдельный разговор. К тому же играть на ней оказалось вовсе не трудно. Булле научил ее играть на трубе «Да, мы любим этот край»¹. Конечно, у Лисе пока получалось не так хорошо, как у Булле, но втайне она уже подумывала о том, чтобы когда-нибудь сыграть «Да, мы любим этот край» перед большой аудиторией. Нет, вы только представьте себе!.. Но мысли – это всего лишь мысли, а мечты – всего лишь мечты.

– Прекрасно, Булле! – крикнул Мадсен. – А теперь давайте все подыграем Булле! Раз, два, три, четыре!

И оркестр школы «Укромный уголок» подыграл Булле. Грохоча, гремя, через пень-колоду. Барабаны, саксофоны, валторны, музыкальные треугольники и цимбалы сообща подняли такой трезвон, какой могла бы издать чья-нибудь кухня, если ее встряхнуть так, чтобы содержимое шкафов и ящиков посыпалось на пол. Потом вступили большой барабан и туба. Спортзал задрожал. Шведская стенка стала щелкать зубами, канаты отклонились в сторону, как от сильного ветра, а потрепанный конь сантиметр за сантиметром поскакал к входной двери, словно решил спастись бегством.

«Марсельеза» отзвучала, и наступила абсолютная тишина. И в спортзале, и снаружи. Птицы не пели, дети не смеялись. Только эхо последних отчаянных ударов двойняшек Трульса и Трюма по коже барабанов и по барабанным перепонкам еще перекатывалось от стены к стене.

– Спасибо, – простонал дирижер Мадсен. – Мне кажется, на сегодня довольно. Увидимся в понедельник.

– И все-таки есть в этой открытке что-то странное! – сказала Лисе, когда они вместе с Булле шли домой на Пушечную улицу.

Вечерами темнело все раньше и раньше, и это им нравилось. Особенно нравилось это Булле, он считал, что светлые летние ночи – весьма посредственное изобретение. Зато темные теплые осенние вечера, когда удобно воровать яблоки, – изобретение гениальное, ну, почти такое же, как изобретения доктора Проктора. А доктора Проктора Булле считал лучшим изобретателем в мире. Правда, все остальные люди в этом самом мире думали, что доктор Проктор не изобрел ничего стоящего, но что они понимают? Кто придумал, например, самый эффективный ветрогонный порошок? Еще важнее, что доктор Проктор готовил лучший в мире пудинг с карамелью, был отличным другом и соседом и научил Булле и Лисе не обращать внимания на то, что некоторым кажется, будто их троица состоит из рыжего вихрастого недомерка,

---

¹ Гимн Норвегии. (Здесь и далее прим. пер.)

девчонки-тихони с тощими косичками и безнадежно спятившего профессора в закопченных мотоциклетных очках.

«Мы знаем то, чего не знают они, – любил говорить доктор Проктор. – Мы знаем, что если друзья готовы всегда и во всем помогать друг другу, то один плюс один плюс один будет не три, а гораздо больше».

И это была чистая правда. Но дружба дружбой, а писать письма профессор, как оказалось, не любил. Коротенькая открытка – это все, что они получили за три месяца, прошедшие с тех пор, как профессор оседлал свой мотоцикл, натянул кожаный шлем и, простившись с Лисе и Булле, отправился в Париж на поиски своей давней любви – девушки по имени Жюльет Маргарин. Жюльет загадочным образом исчезла много-много лет назад, когда доктор учился во Франции. На стене в лаборатории профессора висела фотография тех времен, когда они встречались. Оба выглядели там такими счастливыми, что Лисе не могла смотреть на снимок без слез. Собственно, Лисе и уговорила доктора Проктора отправиться во Францию и найти Жюльет.

– Очень странное! – повторила Лисе. – Взгляни-ка.

Она протянула открытку Булле.

– Гм-гм, – пробормотал тот.

Остановившись под ближайшим уличным фонарем, Булле стал внимательно изучать открытку, с умным видом продолжая мычать «гм-гм».

– Открытка из Парижа, – сказала Лисе и ткнула пальцем в черно-белую фотографию, снятую, видимо, ранним пасмурным утром.

На картинке была изображена большая площадь, по ней прогуливалось множество народу с зонтиками, в том числе мужчин в черных цилиндрах, и все же площадь почему-то

казалась пустоватой. Если бы не слово «ПАРИЖ» внизу, трудно было бы поверить, что дело происходит в славной столице Франции.

– Ты видишь то же, что и я? – задумчиво спросил Булле.

– А что ты видишь?

– Мне кажется, на площади чего-то не хватает. Или на фотографии.

– Может быть, – сказала Лисе.

Она чувствовала, что Булле прав, но не могла определить, чего же не хватает.

– Кроме того, открытка вся покорибилась... – Булле осторожно согнул карточку. – Она промокла, потом ее высушили. Ты что, читала ее в ванной?

– Конечно нет, – сказала Лисе. – Ее такой и принесли.

– Ага! – воскликнул Булле и высоко поднял маленький пальчик с обгрызенным ногтем. –

И снова гений всех времен и народов Булле своим великолепным умом находит единственно верную разгадку тайны! На открытку упали капли дождя еще тогда, в Париже!

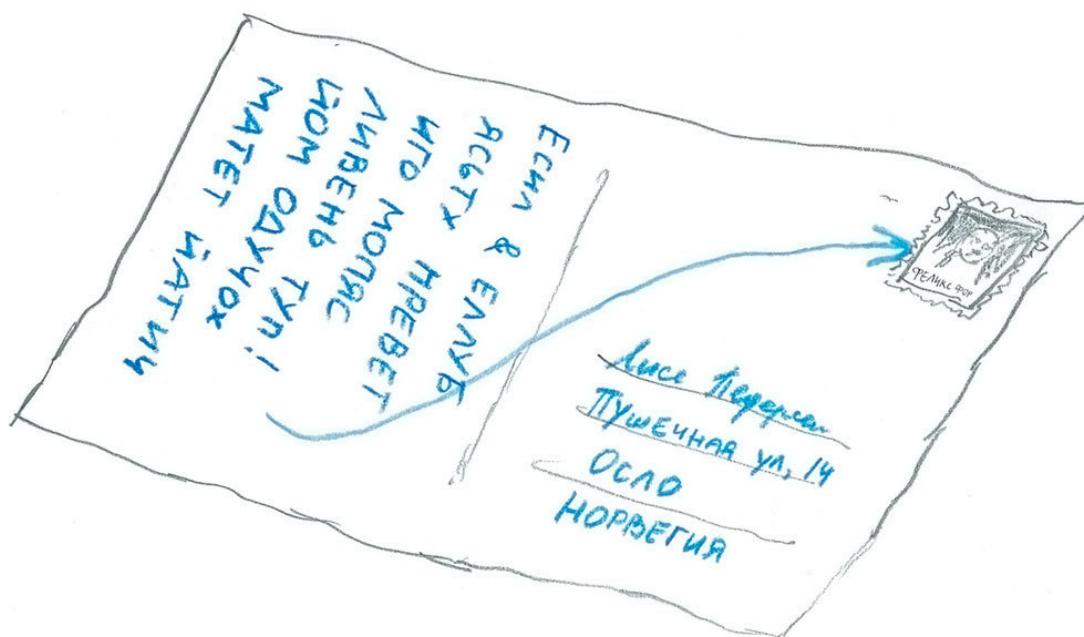
Лисе заморгала.

– Откуда ты знаешь?

– Элементарно, моя дорогая Лисе. Это ясно из открытки. Читай.

Булле вернул ей открытку.

Лисе не нужно было перечитывать послание, она проделала это уже раз двенадцать и выучила текст наизусть. Но вы вряд ли читали его, поэтому посмотрите сами:

– В Париже был ливень, что тут непонятного? – заявил Булле, очень довольный своей проницательностью, и отдал открытку Лисе, а сам принялся изучать изгрызенные ногти на других пальцах, прикидывая, куда бы еще вонзить зубы.

– Странность не в том, что открытка промокла, – сказала Лисе. – Странность в самом тексте! Например, кто такие Есил и Еллуб?

– Может быть, он забыл, как нас зовут? – сказал Булле.

– Нет, там, где адрес, он правильно написал: Лисе Педерсен, – возразила Лисе.

– Гм, – пробормотал Булле, но уже не с таким умным видом, как раньше.

– Есил – это Лисе, если читать задом наперед, – сказала Лисе.

– Элементарно, – подхватил Булле и прочитал слово задом наперед. Действительно, Есил превратилось в Лисе. – Но что за штука Еллуб? – спросил он.

– Угадай! – простионала Лисе и заморгала своими красивыми глазами.

– Та же самая Лисе, только сверху вниз?

– Нет, это Булле задом наперед!

– Хе-хе, – усмехнулся Булле, показав ряд крохотных зубов. – Я пошутил. Это же элементарно. – Однако уши его немного покраснели. – Но если ты и так все поняла, что тебе не нравится?

– Странно вовсе не это! – рассердившись, закричала Лисе.

– А что?

– Все остальные слова!

Булле развел руками.

– Лисе, доктор Проктор пишет нам о том, что в Париже был ливень. Дожди в октябре вполне нормальное явление. Даже в пустыне Калахари в октябре бывают дожди. Они идут так долго, что вся пустыня оказывается под водой, и пятнисто-дымчатый намибийский носорог – этот упрямец, который отказывается учиться плавать, – стоит на дне, задержав дыхание, до самого ноября. Ничего странного, что в октябре в Париже идет дождь.

– Пятнисто-дымчатый намибийский носорог? – недоверчиво посмотрела на него Лисе.

– Да-с! – ответил Булле. – О нем говорится на странице шестьсот двадцать книги «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было».

Лисе вздохнула. Булле часто ссылался на эту толстую книгу, стоявшую, по-видимому, на дедушкиной книжной полке. Но сама Лисе и никто из ее знакомых никогда в жизни не видели книги «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было».

– Ну а что насчет этого «туп»? – спросила она. – Что бы это значило?

– Все предельно ясно, – ответил Булле. – Туп – это французская единица измерения, приблизительно то же, что миллиметр в Норвегии. К примеру, по радио говорят, что за последние сутки выпало столько-то миллиметров осадков, то есть дождя. В Париже говорят, что выпало столько-то тупов.

Лисе посмотрела на него с сомнением:

– А что означают другие слова? Например, «йом»?

Булле пожал плечами:

– «С приветом к вам доктор Проктор». Вроде бы немного похоже на шведский язык. «Хейя, хейя, йом, йом», как-то так.

– Бред сивой кобылы! – фыркнула Лисе. – Во-первых, доктор Проктор не швед, а во-вторых, он профессор и умеет нормально писать.

– В самом деле? – протянул Булле и почесал подбородок с левой стороны, чтобы скрыть внезапно вспыхнувший румянец.

Лисе снова вздохнула:

– Ну и зачем он сообщает нам об этом ливне?

Булле снисходительно откашлялся.

– Послушай, моя драгоценная бестолочь, тут все ясно как пень. Количество тупов осадков может достичь такого уровня, что весь Париж окажется затоплен. И тогда из Северного моря приплывут гренландские тюлени и станут путаться в ногах у парижан, когда те поплывут к булочнику покупать французский батон. Когда тебя цапают за ногу по дороге в булочную, это неприятно, хотя и не смертельно.

– Хватит, Булле! – предостерегающе сказала Лисе.

Булле взглянул на нее с недоумением, но все же замолк.

– За всем этим что-то кроется, – сказала Лисе.

– А? – спросил Булле. – Что кроется?

– Не знаю, но что-то определенно кроется. Посмотри, к примеру, на марку. Тебе не кажется, что она странная?

– Знаешь, ни одна прямоугольная почтовая марка с зубцами и портретом какого-то серьезного типа не заставит меня подпрыгнуть от неожиданности.

– А ты не прочитал, что там написано?

– Нет, – признался Булле.

Лисе снова дала ему открытку.

– «Феликс Фор», – прочитал Булле. – Должно быть, так зовут этого парня. И еще какие-то цифры: один-восемь-восемь-восемь – это, наверное, год. Фи-и-и!

– Фи? – подняла брови Лисе.

– Да, только представь себе: лизнуть марку, которой больше ста лет...

– Но разве она выглядит как столетняя марка?

Булле внимательно рассмотрел марку. И признал, что Лисе права. Если не считать того, что марка подмокла, она казалась совершенно новой, со свежей краской и гладкими краями.

– Может быть, тут опечатка, – сказал он без прежней уверенности.

– Думаешь? – усомнилась Лисе.

Булле покачал головой.

– За этим что-то кроется, – сказал он.

– Все вверх дном, – сказала Лисе.

– Ты до этого говорила – задом наперед, – напомнил ей Булле.

– Что? – переспросила Лисе.

– Я просто повторил твои слова.

– Какие?

– Что тут все задом наперед, – сказал Булле.

– Точно! – Лисе выхватила у него открытку. – Точно!

Она изучила текст. И вскрикнула.

– Что с тобой? – озабоченно спросил Булле.

– Я д-думаю, что д-доктор Проктор в опасности, – заикаясь, сказала она и побледнела. –

Прочитай задом наперед!

Булле так и сделал. Ты тоже можешь попробовать.

...

Готово? Все понятно?

Ну что ж, у Булле тоже не сразу получилось. Но в конце концов он сумел это сделать:

«Читайте там. Хочу домой. Путь не вился. Помогите вернуться, Булле и Лисе».

– Вот что тут написано, – простонала Лисе. – Произошло нечто ужасное!

– Ну да, – сказал Булле. – Доктор Проктор разучился писать. У него буква «Н» похожа на «П».

– Да нет же! – закричала Лисе. – Неужели ты ничего не понял?

– Ага, – признался Булле и почесал подбородок. – Например, я совершенно не понимаю, что значит «читайте там».

Лисе внимательно рассмотрела открытку.

– Смотри, тут стрелка нарисована. И она показывает на марку.

Булле сунул указательный палец правой руки в правое ухо и покрутил, закрыв при этом правый глаз. Это всегда помогало ему лучше соображать. Все равно что повернуть ключ зажигания в автомобиле: раз – и голова начинает работать. Послышалось что-то вроде «чпок», и он вынул палец из уха.

– Знаю, – сказал Булле, с довольным видом изучая палец. – Это зашифрованное послание, которое не должны были прочитать непосвященные. Доктор Проктор знал: лишь такой гений, как я, поймет, что это не простая открытка.

Лисе выразительно закатила глаза, но Булле притворился, будто ничего не заметил.

– «Читайте там» и стрелка в сторону марки, – продолжил он. – Значит, под маркой тоже скрыто какое-то сообщение! Надо ее отклеить.

– Дошло наконец, – сказала Лисе.

Булле протянул Лисе открытку и, лучась гордостью, заявил:

– Как хорошо, что у нас с тобой есть я, чтобы разгадывать всякие секретные коды, ведь правда?

Глава 2. Подвал доктора Проктора

Папа Лисе, комендант крепости, проснулся на диване из-за того, что почувствовал во рту вкус газетной бумаги и типографской краски. Как обычно, он заснул, прикрыв лицо газетой, а поскольку он храпел так, что даже шторы на окне шевелились, нижняя часть газеты – та, где обычно прогноз погоды, – при каждом вдохе заползала коменданту в рот. Он взглянул на часы и удовлетворенно вздохнул. Скоро можно будет идти спать. Но сначала хорошо бы проглотить бутерброд с курятиной, нет, лучше два. Комендант бросил газету на столик, перекатил свой большой живот через край дивана и таким вот образом оказался на ногах.

– Это что еще за дела? – удивился он, войдя на кухню.

Лисе возилась у кухонного стола, а на стуле рядом с ней стоял Булле, крохотный мальчонка из странной семьи, которая весной переехала в дом на Пушечной улице. На столе пыхтел чайник, из носика валил пар.

– А вам не рановато пить кофе, дети? – спросил комендант.

– Ай-ай, команданте, – сказал Булле. – Мы и не думали про кофе.

Только тут комендант увидел, что Булле прижимает пальцем кнопку, чтобы чайник не отключался автоматически и продолжал кипеть. А дочка держит над струей пара что-то напоминающее открытку.

– Что это вы тут делаете?

– Уйди, папа, – сказала Лисе.

– Вообще-то, команду здесь я! – сказал комендант. – И я хочу знать, чем вы тут занимаетесь!

– Мне очень жаль, команданте, – сказал Булле. – Это очень-очень секретно. Если бы мы рассказали вам, вы бы стали тем, кто слишком много знает. А вы ведь знаете, что делают с теми, кто слишком много знает, правда?

– И что же с ними делают? – спросил комендант, подбоченившись.

– Отрезают язык, чтобы не проболтались. И пальцы правой руки, чтобы им нечем было писать.

– А если я левша? – сказал комендант.

– Тогда вам крупно не повезло: придется отрезать вам пальцы и на левой руке.

– А если я умею писать, держа ручку пальцами ног?

– Придется отрезать вам обе ноги, команданте. Ничего личного, но сами понимаете: жизнь шпиона полна превратностей.

– Да, теперь понятно, – вздохнул комендант.

– Однако нет худа без добра, – сказал Булле. – Без ног можно валяться на диване хоть до Пасхи.

А еще не надо смазывать лыжи, стирать носки, завязывать шнурки на ботинках.

– Все это так, – сказал комендант. – Но ведь я могу взять ручку в рот. Или подмигивать азбукой Морзе.

– Мне очень жаль, команданте. Значит, придется отрезать сразу всю черепушку.

Комендант рассмеялся, и весь его большой живот заходил ходунком.

– Перестаньте валять дурака, вы оба, – сказала Лисе. – Папа, уходи! Это приказ!

Когда комендант, качая головой, вышел, Лисе отвела открытку от струи пара. Они присели к кухонному столу, и Лисе чрезвычайно осторожно отделила марку от открытки с помощью пинцета.

– Получилось! – воскликнула Лисе. – Откуда ты знал, что марки нужно отклеивать паром?

– О, это же азы работы детектива, – сказал Булле, но было видно, что он приятно удивлен.

– Там, где была марка, что-то написано, но слишком мелко, не прочитать, – сказала Лисе и поднесла открытку поближе к свету. – Может, у тебя получится, ведь ты... э... не такой большой.

– При чем тут это? – Булле вскинул бровь.

Лисе пожала плечами:

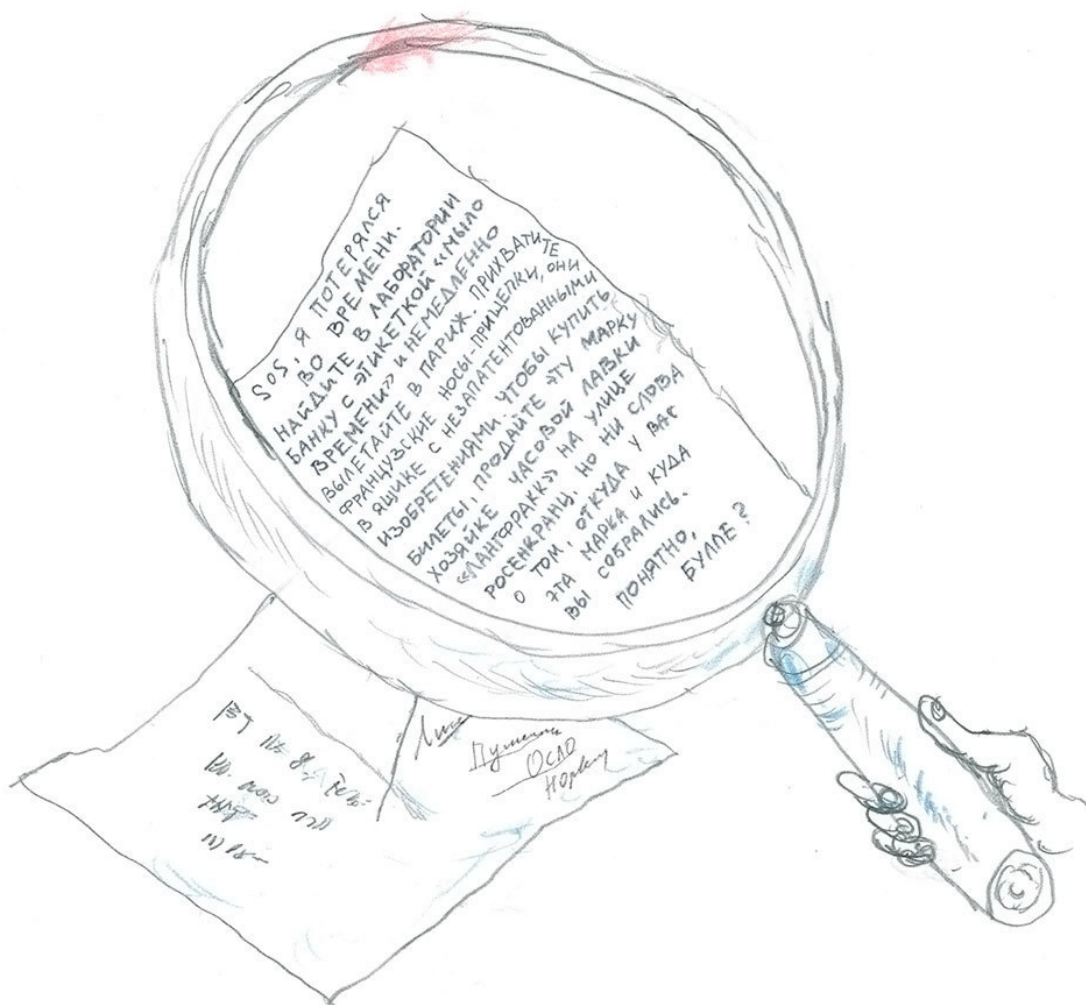
– Невысокие покупают одежду меньше размером, машины поменьше. Может, вам и маленькие буквы подходят.

– Дай посмотрю, – пробурчал Булле, выхватил открытку и стал внимательно ее изучать. – Ничего. – Он, не глядя, протянул руку: – Оптику мне, пожалуйста.

Лисе подскочила к ящику кухонного шкафа, нашла мамино увеличительное стекло и сунула в руку Булле.

– Вот так-так, – сказал Булле, когда смог разглядеть написанное.

А разглядеть он смог вот что:

– Конечно понятно, – пробурчал Булле и передвинул увеличительное стекло вниз.

«В Париже ищите пансион „Пом Фри“². Когда туда придете...
...ривет от доктора Проктора».

– Эй! – воскликнул Булле. – Что такое? Здесь есть пропуск. Много стёрто!

– Смыто водой, – испуганно прошептала Лисе, глядя из-за его плеча. – Есть еще что-нибудь?

Булле передвинул увеличительное стекло ниже.

«P. S. Ключ от лаборатории – в тайнике, а именно под ковриком у входа».

– Так чего же мы ждем? – крикнул Булле.

– Команды на старт! – крикнула Лисе.

– Старт! – крикнули они хором.

И вскочили со стульев. Лисе выхватила из нижнего ящика кухонного шкафа папин карманный фонарик, и они выбежали на Пушечную улицу, в тишину и темноту, затопившую сады и деревянные дома. Луна с любопытством смотрела, как Булле и Лисе преодолевают деревянный забор самого заросшего сада у самого маленького дома на улице. Они промчались мимо грушевого дерева к двери в подвал и подняли коврик у входа.

И в свете луны действительно блеснул ключ.

² Картофель фри (фр.).

Булле и Лисе вставили ключ в замочную скважину старой некрашеной двери и повернули. Раздался угрожающий металлический скрежет.

Они застыли, глядя на дверь.

– Ты первый, – прошептала Лисе.

– Да легко, – сказал Булле и нервно сглотнул.

Потом глубоко вздохнул. И со всей силы пнул дверь.

Дверь медленно и скрипуче открылась. На них пахнуло сырым холодным воздухом подвала, над головами пролетела и исчезла в ночи то ли необыкновенно крупная ночная бабочка, то ли среднего размера летучая мышь.

– Жутики, – сказала Лисе.

– И кошмарики, – сказал Булле, зажег карманный фонарик и осторожно вошел.

Лисе оглянулась. Даже старое доброе грушевое дерево показалось ей сейчас ведьмой, протянувшей к луне длинные скрюченные пальцы. Лисе поежилась и поспешила войти в подвал следом за Булле.

Но его уже не было видно, внизу господствовала всепоглощающая темнота.

– Булле, – прошептала Лисе.

Она знала, что, если в темноте заговорить громко, от звука голоса станет только страшнее.

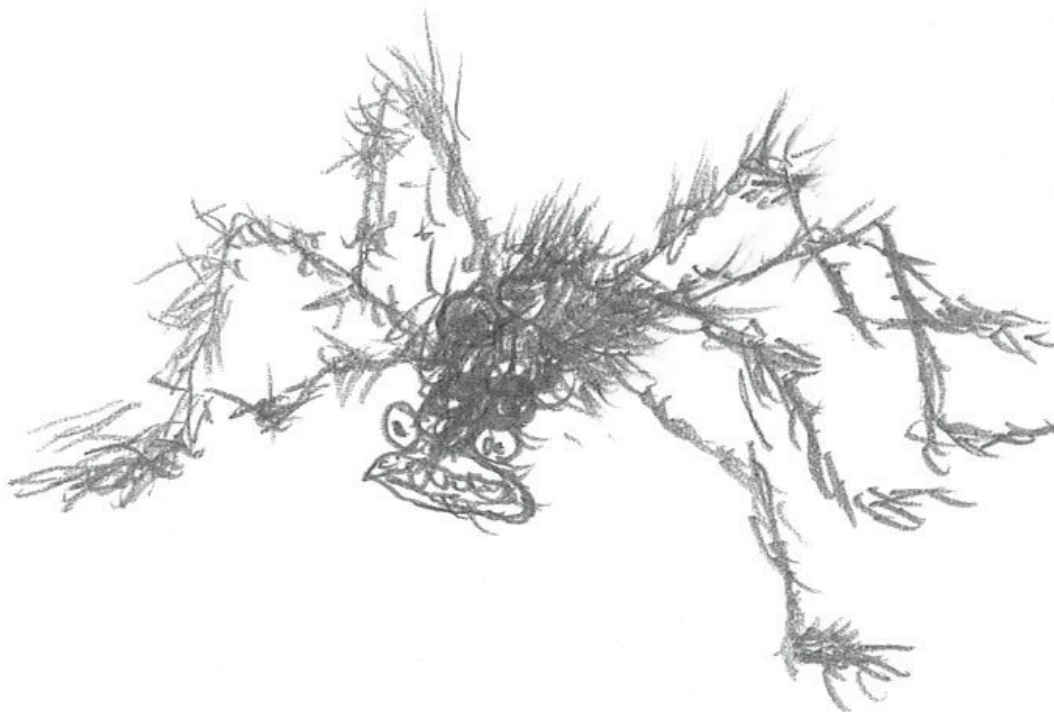
– Я здесь, – прошептал Булле.

Лисе пошла на голос и увидела конус света от фонарика, падающий на что-то на стене.

– Ты нашел мыло времени? – спросила она.

– Нет, – ответил Булле. – Но я нашел самого большого паука северо-восточного полушария. У него семь ног, причем ног давно не бритых. А пасть такая большая, что можно даже губы рассмотреть. Взгляни на зверя!

На стене подвала Лисе разглядела совершенно обыкновенного и даже не особенно крупного паука.

– Семиногий перувианский паук-упырь, страшно редкий вид! – прошептал Булле в полном восторге. – Он высасывает мозг у насекомых, тем и питается.

– Какой мозг? – сказала Лисе и посмотрела на Булле. – Я думала, что у насекомых нет мозга.

– Вот поэтому-то семиногий перувианский паук-упырь так редко встречается, – прошептал Булле. – Попробуй-ка найди насекомых с мозгом.

– Откуда ты все это знаешь? – спросила Лисе.

– Это написано...

– Не надо, – перебила она его. – В книге под названием «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было».

– Именно, – сказал Булле. – Если ты поищешь мыло времени и прищепки, я пока попробую поймать этот редкостный экземпляр паука. Договорились?

– Но у нас всего один фонарик.

– Ну так включи верхний свет.

– Верхний свет... – Лисе удивленно заморгала. – Что же мы сразу его не включили?

– Потому что тогда было бы не так страшно, – и Булле посветил фонариком на выключатель у двери.

Лисе повернула его, и в подвале изобретателя доктора Проктора вспыхнул яркий белый свет.

Он озарил котлы, автоклавы, ведра и полки, заставленные банками с самыми разными порошками и химикалиями, железные и стеклянные трубки и пробирки. На стене почему-то висело старое ружье с хоккейной шайбой на прикладе. Рядом с ружьем красовалась фотография, которую Лисе очень любила. Молодой доктор Проктор на своем мотоцикле во Франции. В коляске сидела она – красавица Жюльет Маргарин с длинными рыжеватыми волосами, его тогдашняя возлюбленная и вечная любовь. Они улыбались так счастливо, что у Лисе всегда щемило сердце при виде этого снимка. В первой открытке, которую доктор Проктор прислал им, говорилось, что он напал на ее след. Ту открытку он отправил из Парижа в июне. Интересно, как обстоят дела сейчас?

Взгляд Лисе продолжал блуждать по подвалу и остановился на почти пустой банке с землянично-красным порошком на дне. Но ее внимание привлек не красный цвет порошка, а этикетка.

Этикетка гласила:

Лисе сняла с полки банку и подошла к большому каталожному шкафу, железному и порядком проржавевшему. Открыла ящик с биркой «Незапатентованные изобретения», пробежала глазами все папки, дошла до буквы «Ф» и обнаружила там пожелтевшую папку с надписью «Французские носы-прищепки».

Она открыла папку, встряхнула ее, и оттуда выпали два синих, на первый взгляд совершенно обычных носа-прищепки. Инструкции не было.

Лисе сунула находку в карман куртки и крикнула:

– Нашла. Уходим!

Обернувшись, она увидела, что Булле стоит на скамейке, засунув руку в другую банку.

– Что ты делаешь?

– Хочу прихватить немного порошка ветронавтов, конечно.

– Булле! Это вещество опасно для жизни и к тому же запрещено законом!

– Ну так подай на меня в суд, – посоветовал Булле. – Кроме того, небольшое выделение кишечных газов полезно для здоровья.

– Небольшое? В прошлый раз ты проглотил всего одну столовую ложку этого порошка – и улетел в космос!

– Пожалуйста, оставь преувеличения мне. – Булле зачерпнул пригоршню светло-зеленого порошка ветронавтов, пересыпал ее в маленький пластиковый пакет, закрыл и сунул в карман. – Я взлетел всего на пятьдесят метров, а это совсем немного, если сравнивать с... мм... например, с Эйфелевой башней. Ты девочка и потому предвзято относишься к пуканью. Вам бы только шипеть.

Булле пустил ветры средней громкости.

– Слышала? – сказал он. – Теперь твой черед.

– Фи, – сказала Лисе. – Я так делаю, только если не могу сдержаться.

– Дорогая фрёкен Тихоня, – сказал Булле, пригладил вихор и спрыгнул со скамейки. – Спорю на тонну тянучек, что ты никогда не издашь звука, который способно услышать человеческое ухо. Оставь громкие звуки нам, мальчикам.

– Поживем – увидим, – сказала Лисе.

– Ты хотела сказать, поживем – услышим, – уточнил Булле и приложил ладонь к уху. – Я слышу... тишину!

Они выключили свет, заперли дверь, положили ключ под коврик, пробрались через сад, остановились под грушей и посмотрели на луну.

– Итак, мы летим в Париж, – сказала Лисе. – Одни.

– Одни, но вместе, – поправил ее Булле. – И это совсем недалеко.

– Дальше, чем до Сарпсборга, – сказала Лисе.

– Подумаешь, – хмыкнул Булле.

– Я должна отпроситься у мамы и папы, – сказала Лисе.

– Забудь об этом, – сказал Булле. – Тебя не пустят. Скажут, что надо обратиться в полицию в Париже. А мы-то знаем, что из этого получится.

– Да? – неуверенно произнесла Лисе. – И что же из этого получится?

– Ни-че-го, – ответил Булле. – Ни один взрослый не верит в изобретения доктора Проктора. «Мыло для путешествий во времени? – скажут они. – Что за вздор?» Поэтому профессор и прислал открытку именно нам. Он знал, что никто другой не поверит ему, ведь так?

– Может быть, – осторожно согласилась Лисе. – Но... Но ты уверен, что мы верим ему? Он очень хороший, но в то же время немножко... чокнутый.

– Конечно, я уверен, что мы ему верим, – сказал Булле. – А доктор Проктор совсем не немножко чокнутый. Он чокнутый давно и бесповоротно.

– Вот именно, – сказала Лисе. – Тогда почему же ты ему веришь?

– Элементарно, моя дорогая Лисе. Доктор Проктор – наш друг. А друзья всегда верят друг другу.

Лисе долго смотрела на луну. Потом кивнула.

– Это, – заметила она, – самое верное из того, что ты сказал за очень долгое время. Так что же мы делаем?

– Завтра пятница, да? Ты придешь домой и скажешь, что твоя подруга из Сарпсборга пригласила тебя провести выходные у нее. Тебе нужно после школы сесть на поезд, а там тебя встретят на вокзале.

– Это можно, – сказала Лисе и закусила губу. – А как ты?

– Я скажу маме, что поеду на выходные с оркестром в Арвику.

– С оркестром? Так вдруг?

Булле пожал плечами:

– Мама это проглотит, она всегда не в курсе событий. Она будет лишь рада избавиться от меня на пару дней. Когда пойдешь завтра в школу, положи в рюкзак кое-что сверх обычного, не очень много и только то, что начинается на «П»: паспорт, портмоне, пастилу и тому подобное. Мы оба идем в школу и делаем вид, будто все как всегда, договорились? А после школы едем в центр, в эту часовую лавку...

– Часовую лавку «Лангфракк», – сказала Лисе.

– Именно. Мы продаем там марку, едем на автобусе в аэропорт, покупаем билеты на ближайший самолет до Парижа, регистрируемся на рейс, и – р-раз! – мы уже в Париже.

Лисе пожевала нижнюю губу и обдумала сказанное Булле. Тут «р-раз», там «р-раз», подумала она. Булле имел удивительную способность говорить так, что некоторые очень сложные вещи вдруг становились простыми.

– Итак, – сказал Булле. – Что же у нас получается?

Лисе посмотрела на банку. От лунного света землянично-красный порошок в ней мерцал красиво и загадочно. Потерялся во времени? Мыло времени? Ванна – машина времени? Просто бред какой-то.

– Знаешь, все-таки будет лучше, если мы покажем открытку папе, – медленно сказала она.

– Лучше? – сказал Булле. – Если бы так было лучше, доктор Проктор прямо попросил бы об этом в своей открытке!

– Я знаю, но будь реалистом, Булле. Взгляни на нас. Кто мы такие? Всего лишь дети.

Булле тяжело вздохнул. Он положил руку на плечо Лисе и впился в нее пристальным взглядом, потом сделал глубокий вдох и возвестил благостным голосом:

– Послушай меня, Лисе. Мы с тобой одна команда, нам безразлично, что говорят все прочие. Будто бы мы несчастные игроки из команды в самом низу таблицы, которые вот-вот вылетят в нижний дивизион. Но мы знаем то, чего не знают они. – Булле аж задрожал от вдохновения. – Мы, дорогая Лисе... знаем... ну, знаем... что мы... что там полагается сказать дальше?

– Мы знаем, – продолжила Лисе, – что если друзья помогают друг другу, то один плюс один будет не три, а гораздо больше.

– Вот-вот! – сказал Булле. – Ну? Так что? Твой ответ «да» или «нет»?

Лисе долго смотрела на Булле. Потом сказала всего одно слово:

– Прикрытие.

– Прикрытие? – ничего не понимая, повторил Булле.

– Я беру с собой прикрытие-зонтик. С собой можно брать только то, что начинается на букву «П», а насколько я знаю, в это время года дождь в Париже идет непрерывно.

Булле два раза моргнул. Потом до него дошло.

– И-и-и! – восторженно закричал он и запрыгал на месте. – Мы едем в Париж! Канкан! Шампанское! Танцовщицы! Елисейские Поля!

Он продолжал кричать обо всех парижских прелестях, пока Лисе не остановила его. Пора было ложиться спать.

Когда Лисе пожелала родителям спокойной ночи и папа закрыл дверь в спальню, девочка, как обычно, осталась сидеть на своей кровати, глядя на желтую занавеску на втором этаже дома напротив. Она знала, что очень скоро на занавеску упадет слабый свет лампы и начнется вечернее представление – театр теней – для единственного зрителя, самой Лисе. Крохотные пальчики Булле будут бросать на занавеску тени, их силуэты будут выглядеть как танцовщицы, выплывающие канкан. И Лисе, глядя на тени, будет думать об истории, которую им расска-

зывает доктор Проктор, о таинственном исчезновении Жюльет много лет назад. Дело было примерно так.

Жюльет и доктор Проктор встретились в Париже и полюбили друг друга. В один прекрасный день несколько недель спустя Жюльет постучала в дверь его комнаты в пансионе. Он ужасно обрадовался, когда девушка спросила, не хочет ли он жениться на ней.

И в то же время ужасно удивился, когда она попросила его сейчас же сесть на мотоцикл и отправиться в Италию, в Рим, чтобы заключить там брак, причем как можно скорее. Жюльет ну никак не могла объяснить всю эту спешку, поэтому доктор Проктор аккуратно упаковал свой единственный приличный костюм и отправился в путь, ни о чем не спрашивая. Впрочем, он подозревал, в чем причина. Папа Жюльет был бароном. И хотя семья барона Маргарина перестала быть богатой семьей давным-давно, барон по-прежнему считал, что изобретатель-неудачник, да еще и норвежец по национальности, не слишком подходящая пара для баронской дочери Жюльет. И вот Жюльет и Проктор помчались на мотоцикле ночью через всю Францию, чтобы вступить в брак. Они только что заправились в одной деревне рядом с итальянской границей и подъехали к мосту. Тут-то все и случилось. Что именно случилось, доктор Проктор так и не понял. Перед глазами у него вдруг потемнело, а когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на асфальте и горло у него болит. Плачущая Жюльет стоит, склонившись над ним. За ее спиной виден приближающийся черный лимузин. Жюльет говорит, что это лимузин ее отца, барона, и ей надо поговорить с отцом наедине. Пусть Проктор едет дальше в Италию и ждет ее там. Доктор Проктор еще не вполне пришел в себя и вдобавок растерялся, поэтому безропотно подчинился. Но, обернувшись на противоположной стороне моста, он увидел, что Жюльет садится в лимузин, лимузин разворачивается и уезжает. Тогда доктор Проктор видел свою Жюльет в последний раз.

Лисе вздохнула. Вторая часть истории профессора о юношеской любви была такая же грустная, как и первая.

Прождав Жюльет на границе три дня, доктор Проктор позвонил ей домой с телефона-автомата в приграничном кафе. Трубку взял сам барон. Он объяснил, что Жюльет взялась за ум и поняла, что никак не может выйти замуж за Проктора. Она очень сожалеет, но все это для нее очень тяжело, и она не хочет больше говорить с Проктором и видеть его. Так будет лучше.

Потрясенный и измученный доктор Проктор вернулся на мотоцикле в Париж. В пансионе его уже поджидал полицейский, он протянул доктору некий конверт и грубо предложил прочитать письмо. Там говорилось, что студента Проктора исключают из университета и выдворяют из Франции в связи с подозрением о его принадлежности к организации террористов, изготавливающих оружие массового поражения. Основой для подозрения стал случай, когда во время эксперимента в химической лаборатории студент Проктор и еще один студент-норвежец чуть не взорвали весь университет.

Доктор Проктор попытался объяснить полицейскому, что они с коллегой всего лишь допустили ошибку, работая над порошком для машины времени. И вообще, не было никакого «страшного взрыва», взрыв был совсем не страшный, ни капельки. Полицейский велел Проктору отправляться в комнату собирать чемодан. Проктор был готов поклясться, что за высылкой скрывался барон Маргарин. Но сделать ничего было нельзя.

Вот так и вышло, что много лет назад страдающий от несчастной любви молодой человек приехал в Осло и в конце концов осел в покосившемся и всеми забытом доме в самом конце Пушечной улицы. В основном потому, что дом был дешевым, без телефона, и туда вообще никто не приходил. Идеальное жилье для того, кто любит разговаривать только сам с собой и непрерывно что-нибудь изобретает.

Лисе сидела в спальне своего красного дома и смотрела на синий дом профессора. Ей пришла в голову мысль, что это она, Лисе, во всем виновата. Это ведь она настояла, чтобы

доктор Проктор отправился в Париж на поиски Жюльет Маргарин, верно? Конечно она. И вот теперь он попал в беду, причем неизвестно, в какую именно.

Балет в театре теней, устроенный пальцами Булле на противоположной стороне улицы, закончился поклоном. Потом пальцы превратились в уши кролика, помахали, что означало «Спокойной ночи!», и свет погас.

Лисе вздохнула.

В эту ночь ей спалось плохо. Она думала о слишком темных подвалах, слишком волосатых перувианских пауках, слишком больших городах и о том, что дальше все пойдет наперекосяк.

А на другой стороне улицы сладко спал Булле и видел во сне, как он летает по воздуху благодаря ветрогонному порошку, расшифровывает тайные послания, спасает гениальных профессоров и все – ну совершенно точно все-все – идет прекрасно. Но главным образом ему снилось, как он танцует канкан на сцене парижского кабаре «Мулен руж»³, а восхищенная публика и все танцовщицы хлопают в такт и кричат: «Бул-ле! Бул-ле!»

---

³ «Красная мельница» (*фр.*), знаменитое кабаре в центре Парижа.

Глава 3. Часовая лавка «Лангфракк»

Взгляд фру Стробе скользнул поверх ее невероятно длинного носа, прошел сквозь невероятно толстые стекла очков, сидящих на самом кончике носа, упал на детей, сидящих в классе перед ней, и вонзился в самого маленького из них.

– Господин Булле! – Голос ударил подобно хлысту.

– Фру Стробе! – прозвучал ответный удар хлыста от этого самого маленького ученика. – Какое удовольствие прикажете доставить вам в это невероятно прелестное пятничное утро, которое по красоте своей не уступает ничему, кроме вашего прекрасного, громоподобного руководства, о моя наставница и властительница дум?

Как и всегда, услышав ответ Булле, фру Стробе едва не взорвалась. Но не от возмущения – от смеха. А в глубине души ей было даже лестно.

– Во-первых, перестань насвистывать эту дурацкую мелодию... – начала она.

– Не так громко, фру Стробе! – прошептал Булле, вытаращив глаза в притворном испуге. – Это же «Марсельеза». Не дай бог, сотрудники французского посольства услышат, как их гимн называют дурацкой мелодией, – они сразу сообщат своему президенту, и он немедленно объявит войну Норвегии. Французы любят воевать, хотя абсолютно не умеют. Вы когда-нибудь слышали о Столетней войне, которую они вели с англичанами, фру Стробе?

Весь класс засмеялся. Фру Стробе постучала кончиками пальцев по столу и впиалась глазами в лицо странного крохотного мальчика, зачисленного к ней в класс прошлой весной.

– Если бы ты не насвистывал эту мелодию, а слушал меня, то обнаружил бы, что я рассказываю как раз о Столетней войне во Франции, господин Булле. Ну и что же я, например, сказала только что о Жанне д'Арк?

– О Жанне д'Арк? – повторил Булле и почесал под левым ухом. – Гм-гм. Какое знакомое имя. Это же дама, правда?

– Точно.

– Знаменитая исполнительница канкана?

– Господин Булле!

– Нет-нет. А дополнительный вопрос можно?

Фру Стробе вздохнула:

– Жанна д'Арк была милой набожной деревенской девочкой. В юности ей было мистическим образом предсказано, что она найдет наследника французского престола, который прячется где-то во Франции, и поможет ему.

– Очень знакомая история, – сказал Булле. – А эта Жанна, случайно, не получала открытку из Парижа с редкой маркой тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года?

– О чем ты болтаешь? Жанна д'Арк узнала свою судьбу от ангелов, их голоса раздавались прямо у нее в голове!

– К сожалению, фру Стробе, в моей очень маленькой, но во всех остальных смыслах совершенной голове произошло небольшое короткое замыкание.

Булле посмотрел на Лисе, которая положила на парту голову и закрыла макушку руками.

– Это больше не повторится, фру Стробе, – сказал Булле. – Так что же случилось с этой дамой?

Фру Стробе оперлась на учительский стол.

– Об этом я и веду речь. Жанна д'Арк нашла дофина – наследника престола, и вместе они сражались с англичанами. Юная дева надела на себя воинские доспехи, научилась орудовать мечом, как настоящий воин, и возглавила французскую армию. Она до сих пор является национальным героем Франции. Запишите это, все!

– Прекрасно! – воскликнул Булле. – Милая девочка стала героиней. Люблю истории со счастливым концом!

Фру Стробе опустила свой очень длинный нос, так что он почти коснулся стола, и взглянула на класс поверх очков.

– Не очень-то он и счастливый. Жанну взяли в плен и продали англичанам, которые приговорили ее к смертной казни за колдовство. Потом созвали население Руана на площадь, где Жанну привязали к столбу, навалили вокруг гору дров и подожгли.

И тут из-за парты донесся тонкий умоляющий голосок:

– Но тут пришел принц и спас ее!

Все повернулись к Лисе, которая поспешно зажала рот ладошкой. Никто – и в первую очередь она сама – не ожидал услышать от нее такое.

– Посмотри на картинку в учебнике, Лисе, – сказала фру Стробе. – Любому видно, как языки пламени лижут белое платье Жанны д’Арк. Неужели похоже, чтобы она спаслась?

– Нет! – хором крикнул весь класс.

– Она не спаслась, – сказала фру Стробе. – Ее сожгли на костре, а обугленное тело бросили в реку. Жанне д’Арк было тогда всего девятнадцать лет.

Лисе посмотрела на картинку в учебнике истории. Лицо девушки напомнило ей другое лицо на другой картинке. Лицо Жюльет Маргарин в коляске мотоцикла доктора Проктора. При мысли о таком ужасе у Лисе навернулись слезы на глаза.

– Конечно, девушка должна была умереть, – сказал Булле.

Фру Стробе сняла очки.

– Почему ты это говоришь, господин Булле?

– Чтобы стать настоящим героем, надо по-настоящему умереть.

Класс засмеялся, но фру Стробе утвердительно кивнула.

– Может быть, так оно и есть, – пробормотала она. – Может быть, и так.

Прозвенел звонок, и не успела фру Стробе сказать: «Всем хороших выходных!», как первый школьник уже выскочил из дверей. Потому что это был последний урок пятницы и звонок означал свободу.

Надевая куртку возле вешалки в коридоре, Лисе услышала, как другие девочки возбужденно говорят о какой-то вечеринке, на которую приглашены все. Все, кроме нее. И кроме Булле, конечно. Она услышала, как они шепчутся, мол, какой он маленький и чудной, ведет себя странно и говорит непонятное.

– Привет!

Булле прыгнул на скамейку рядом с ней и расстегнул куртку.

Девочки тут же принялись шушукаться и хихикать пуще прежнего. Потом самая смелая из них повернулась к Лисе и Булле, а остальные, спрятавшись за ее спиной, захихикали в голос.

– И что же будут делать наши голубки в выходные?

– Во-первых, ты не знаешь, что значит слово «голубки», милочка, – сказал Булле, снова застегивая куртку, что было очень легко, потому что там и было-то всего-навсего две пуговицы. – Но если у тебя в мозгу найдется местечко, то запомни, что «голубки» – это на самом деле уродливые птицы, покрытые панцирем, как у черепахи, которые выклеывают глаза у своих детей и тем питаются. Во-вторых, мы приглашены на одну смертельно скучную вечеринку, на которую мы уж точно не пойдем. Осло вообще город унылый. – И Булле зевнул.

– Сам ты унылый, – огрызнулась девочка, подболевшись, но, похоже, более достойного ответа не придумала. Поэтому она просто бросила: – Пока!

– Пока-пока! – повторили другие девочки за ее спиной.

Но одна не удержалась и спросила:

– А все-таки что вы будете делать?

– Мы, – сказал Булле, прыгнул со скамейки и встал рядом с Лисе, – отправимся в Париж, в «Мулен руж», и будем отплясывать канкан. Хороших вам выходных, малышки.

Лисе не обернулась, но она знала, что девочки смотрят им вслед, разинув рот, когда они вместе с Булле вышли на улицу, под яркие лучи осеннего солнца.

Лисе и Булле сели на семнадцатый трамвай, который привез их на Ратушную площадь Осло. Там они вышли и отправились на улицу Росенкранц – неширокую, с интенсивным движением, обилием магазинов и толпами людей. В конце улицы, над красной дверью и маленькой витриной с множеством часов, и в самом деле обнаружилась вывеска «Часовая лавка ЛАНГ-ФРАКК».

Пружины входной двери оказались такими тугими, что пришлось навалиться на дверь изо всех сил.

И все равно дверь лишь приоткрылась. Пружины протестующе завизжали, как будто вообще не хотели впускать Лисе и Булле. Когда дети в конце концов вошли и выпустили ручку, дверь с грохотом захлопнулась. Сразу исчезли все уличные звуки, внутри раздавалось только тиканье часов. Тик-так, тик-так, ну и так далее. Лисе и Булле осмотрелись. Хотя на улице ярко светило солнце, в пустом магазине было странно темно. Им показалось, что они вдруг очутились в другом мире. Здесь были, наверное, сотни часов! Часы были повсюду: на стенах, на полках, на столе...

– Привет! – крикнул Булле.

Никто не ответил.

– Какие-то все часы старые, – прошептала Лисе, – и странные. Посмотри вон на те, с секундной стрелкой. Они же... идут назад.

В этот момент к тиканью присоединился жалобный кричащий скрип, как от несмазанного колеса.

Булле и Лисе повернулись в ту сторону, откуда шел звук, – в дальний конец магазина, где висела оранжевая занавеска с изображением слона.

– Кто... – прошептала Лисе, и в ту же секунду занавеска сдвинулась.

Булле и Лисе так и ахнули. К ним быстро приближалась странная фигура. Это была высокая женщина, самая высокая из всех, кого они когда-либо видели. И все в ней было тонким, длинным и заостренным. Кроме прически, имевшей вид того растения, которое перекачивается по пустыне и пускает корни там, куда его принесет ветер. Это перекасти-поле пустило корни над таким высохшим лицом, что определить возраст было совершенно невозможно. К тому же глаза были густо подведены черным, а на тонких губах пламенела ярко-красная помада. На женщине было длинное, до пят, кожаное пальто⁴, не до конца застегнутое, так что сразу стали понятны источник скрипа и скорость ее передвижения. Дело в том, что одна ее нога была деревянной, и обута эта нога была в роликовый конек, а колесики его давно надо было хорошенько смазать. Отталкивалась хозяйка лавки другой ногой.

Резко затормозив, женщина неприветливо посмотрела на посетителей и сказала сиплым шепотом, который пронесся по старому дому, как ветер:

– Вы ошиблись дверью, дети. Уходите.

Лисе испуганно попятилась к двери, ей срочно захотелось уйти – уж очень неприятным был голос, а изо рта этой особы вдобавок шел неприятный запах с примесью вони сырого мяса и грязных носков. Но Булле остался стоять, с любопытством разглядывая женщину в кожаном пальто.

– Почему эти часы идут задом наперед? – спросил он и ткнул пальцем за ее плечо.

Женщина ответила, не оборачиваясь:

– Отсчитывают время, оставшееся до конца света. А ваше время уже истекло. Вон!

– А вот те? – Булле показал на другие часы. – Они стоят. Вы продаете сломанные часы?

– Какой вздор! – фыркнула хозяйка. – Эти часы показывают, что время остановилось. Может быть, они правы.

– Время не может остановиться, – сказала Лисе, успевшая взять себя в руки.

Женщина перевела взгляд на нее.

– Ты явно ничего не понимаешь во времени, глупая девчонка, поэтому закрой свой мерзкий рот. Дело в том, что все в истории происходит одновременно и всегда, снова и снова. Но у большинства людей такой маленький мозг, что они неспособны все схватывать сразу, поэтому думают, будто события происходят одно за другим. Тик-так, тик-так. А теперь все, больше у меня нет времени на болтовню, прочь отсюда, спасибо.

---

⁴ «Лангфракк» в переводе с норвежского означает «длинное пальто».

Она повернулась на своем коньке и подняла ногу, чтобы оттолкнуться.

– Это противоречие, – сказал Булле. – Если время остановилось, значит все оно принадлежит вам.

Женщина медленно повернулась к нему:

– Гм. Похоже, у лилипута мозг не лилипутский.

И все же уходите.

– У нас есть марка на продажу, – сказал Булле.

– Марки меня не интересуют. Вон.

– Марка тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, – сказала Лисе. – А выглядит как новая.

– Как новая, говоришь? – Бровь хозяйки, похоже нарисованная черным и очень острым карандашом, иронически приподнялась. – Дай посмотреть.

Лисе протянула ей марку на ладони.

Женщина вынула из кармана лупу и наклонилась.

– Гм, – сказала она. – Феликс Фор. Откуда у вас это?

– Секрет, – сказала Лисе.

Теперь и вторая бровь хозяйки выгнулась дугой.

– Секрет?

– Так точно, – сказал Булле.

– Похоже, марка промокла, – произнесла женщина хриплым шепотом. – Кроме того, с края есть что-то белое... Вы мыли ее с мылом?

– Нет, – сказал Булле, не заметив предостерегающего взгляда Лисе.

Женщина вытянула указательный палец и поскребла марку длинным красным ногтем, потом сунула палец в рот – узкую щель на иссохшем лице. Пожевала. И тут взвились сразу обе ее брови.

– Чтоб вам провалиться, – прошептала она.

– Что-что? – сказал Булле.

– Покупаю. Сколько вы хотите?

– Не много, – сказал Булле. – Чтобы хватило на два билета в... Ой!

Он сердито посмотрел на Лисе, которая пнула его по ноге.

– Четыре тысячи крон, – сказала Лисе.

– Ах ты, кошка-девятихвостка!⁵ – возмутилась женщина. – Четыре тысячи крон за почтовую марку с изображением никчемного президента-покойника?

---

⁵ Плеть из девяти ремней.

– Хорошо, три тысячи... – начал Булле, но вскрикнул, получив новый пинок по ноге.

– Четыре тысячи, или мы уходим, – сказала Лисе.

– Три тысячи плюс каждому часы, – сказала женщина. – Например, вот эти, которые идут медленно, – они для тех, у кого очень много дел. Или вот эти, которые идут быстро, – эти для тех, кому скучно.

– Да! – крикнул Булле.

– Нет! – сказала Лисе. – Четыре тысячи. А если вы не согласитесь в течение пяти секунд, цена поднимется до пяти тысяч.

Хозяйка лавки свирепо посмотрела на Лисе. Открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала, поймав взгляд Лисе. Вздохнула, закатила глаза и с безнадежным видом воскликнула:

– Ладно, я согласна, девчонка-кровопийца.

Женщина умчалась на коньке за занавеску и вернулась, держа в руках пачку купюр, которую протянула Булле. Он поплевал на большой палец правой руки и стал их пересчитывать.

– Надеюсь, ты умеешь считать, – пробормотала женщина.

– Это элементарная математика, – сказал Булле. – Двадцать бумажек по сто крон плюс две старые бумажки по тысяче крон. Всего четыре тысячи. Спасибо вам, фрёкен?..

– Меня зовут Распа, – сказала женщина и улыбнулась очень осторожно, словно боялась, что лицо разорвется пополам, если она улыбнется шире. – И как же вас зовут, мои дорогие дети?

– Булле и Лисе, – сказал Булле и передал деньги Лисе, а та спрятала их в карман школьного ранца.

– Вот как, Булле и Лисе. А это вам подарок – золотые часы.

И она зазвенела парой блестящих наручных часов.

– Элегантные! – сказал Булле и хотел взять одни, но Распа отдернула их.

– Сначала я установлю на часах время того часового пояса, куда вы едете, – сказала она. – Так куда вы держите путь?

– В Париж! – крикнул Булле. – В столицу Фран... Ой! – И он взвыл от боли.

– Ох, извини, кажется, я наступила тебе на ногу? – сказала Лисе. – Покажи-ка, не испачкала ли я тебе ботинки.

Она наклонилась к Булле и прошептала ему на ухо, чтобы Распа не услышала:

– В открытке было написано не говорить, куда мы едем!

– Подай на меня в суд, – сердито сказал Булле.

– Вот как, в Париж? – засмеялась женщина, показав ряд белых острых зубов. – Я была там когда-то. Приятный город.

– Там нет ничего интересного, – буркнул Булле и потер ногу. – Мы уже передумали, мы туда больше не едем.

– Да ну, и почему же? – хрипло спросила Распа, продолжая смеяться.

– Октябрь. Слишком дождливо. Я слышал, Париж затопило, множество гренландских тюленей на улицах, едят французские батоны, мучают людей.

Распа наклонилась к Булле идохнула на него запахом сырого мяса и грязных носков:

– Как хорошо, что эти золотые часы водонепроницаемые.

– Вод-донепрон-ничаемые? – промямлил Булле, который до этого никогда в жизни не заикался.

– Да, – прошептала Распа так тихо, что было слышно тиканье всех часов в магазине. – Это значит, что вы можете плавать с ними под водой. И принимать с ними ванну, например. Верно я говорю?

– В-ванну? – сказал Булле и задумался, отчего это он вдруг стал заикаться.

– Вы ведь понимаете, на что я намекаю, правильно? – сказала Распа и хитро подмигнула.

– Н-нет, – ответил Булле.

О господи, неужели он теперь будет заикаться всю жизнь?

Женщина резко поднялась и раздраженно прижала к себе золотые часы.

– Вообще-то, лучше я подарю вам то, что дороже часов. Мудрый совет вам на дорожку. – Хриплый шепот Распы заполнил весь магазин: – Запомните, что смерть – и только смерть – может изменить историю.

– Т-только с-смерть?

– Именно. История высечена в камне, и изменить высеченное в камне можно только ценой собственной жизни. Прощайте, дети.

Распа плавно, словно корабль-призрак, скользнула на своем скрипучем роликовом коньке по магазину и исчезла за оранжевой занавеской.

– Пр-пр... – попытался сказать Булле.

– Прощайте, – сказала Лисе и потянула Булле к выходу.

Глава 4. В Париж

Лисе и Булле дошли от часовой лавки «ЛАНГФРАКК» до Ратушной площади и сели в автобус до аэропорта. Час спустя они вышли из автобуса и ступили в огромный терминал, где сновало видимо-невидимо людей. Встали в очередь у касс компании «Эр Франс». Пока они стояли, Лисе показалось, что среди голосов людей, топота туфель и объявлений по радио она услышала знакомый звук. А именно жалобный скрип несмазанного колеса. Она быстро обернулась, но увидела только незнакомые лица спешащих путешественников. Тогда девочка принюхалась, не чувствуется ли среди множества ароматов запаха сырого мяса и грязных носков. Но нет, ничего такого. «Должно быть, это скрипели колесики чьей-то хозяйственной сумки», – подумала Лисе. И тут же чей-то жесткий палец вонзился ей в спину. Она резко обернулась. Это был Булле.

– Восстань из мертвых, сейчас наш черед, – сказал он.

Они подошли к невероятно красивой даме с невероятно загорелым лицом и невероятно белыми волосами.

– Чем я могу тебе помочь, дружок? – спросила она.

– Два билета в Париж, пожалуйста, – сказала Лисе.

– Тебе и еще кому?

Из-под стойки прозвучал раздраженный ответ:

– Мне, конечно!

Дама поднялась, посмотрела за стойку.

– Вот как. С вас три тысячи пятьсот крон.

Лисе положила на стойку деньги. Дама пересчитала двадцать сотенных купюр, но потом остановилась и подняла бровь, когда увидела две тысячекроновые купюры.

– Это что, шутка? – спросила она.

– Шутка? – не поняла Лисе.

– Ну да. Эти купюры недействительны. Они выпущены в... – Она присмотрелась. – В тысяча девятьсот пятом году. Они давным-давно вышли из обращения. У вас есть купюры нашего времени?

Лисе покачала головой.

– Я очень сожалею, но тут хватает только на один билет до Парижа.

– Но... – в отчаянии начала Лисе. – Но...

– Вот и прекрасно, – раздался голос из-под стойки. – Дайте нам один билет.

Лисе посмотрела вниз, на Булле. Он кивнул.

Когда она опять подняла голову, дама уже протягивала ей готовый билет.

– Счастливого пути в Париж! Я надеюсь, тебя там встретят взрослые.

– Я тоже, – тихо вздохнула Лисе и посмотрела на билет и на старые тысячекроновые бумажки Распы. – Что нам теперь делать? – спросила она в отчаянии, когда они стали приближаться к контролю безопасности.

– Спокойно, – сказал Булле. – У меня есть одна мыслишка.

– Мыслишка? Какая?

– Та, что ты поедешь одна, – сказал Булле.

Лисе в ужасе посмотрела на него.

– Од-дна?

Надо же, она тоже стала заикаться.

Когда Лисе входила в самолет, благоухающая всеми приятными запахами стюардесса с яркой помадой на губах улыбнулась:

– Ой, у тебя целых два ранца?

– Много уроков, – буркнула Лисе.

Вид у девочки был усталый, она явно нуждалась в помощи.

– Давай я тебе помогу.

Стюардесса подхватила ранцы, положила их между двумя сумками на колесиках на полку для багажа и захлопнула крышку.

Лисе нашла свое место, пристегнула ремень безопасности и выглянула в окно. Снаружи не было ни души, только ехали автомобиль-цистерна с горючим и похожий на игрушечный поезд из тележек с чемоданами. На крыльях самолета тоже никого не было. Ни на правом, ни на левом. Вроде бы все нормально. Но до взлета оставалось еще несколько минут.

Лисе изучила брошюру с инструкциями по безопасности: на картинках люди с необыкновенно жизнерадостным видом ползли к выходу из самолета по подсвеченной указателями дорожке. Она зевнула. День был очень тяжелым, ночью она почти не спала. Она закрыла глаза, и тут же в голове зазвучали слова женщины из часовой лавки «ЛАНГФРАКК»: «Только смерть может изменить историю. Изменить высеченное в камне можно только ценой собственной жизни».

С этими словами Лисе заснула и не заметила, как самолет запустил двигатели и взлетел. Земля под ним провалилась вниз, Осло становился все меньше и наконец исчез. Потом исчезла суша, и они полетели над морем. А потом суша опять появилась внизу, но она звалась уже Германия и Нидерланды. Когда они в конце концов стали снижаться над Парижем и Лисе проснулась от голоса капитана, который призывал пристегнуть ремни безопасности, было уже темно и под крылом мерцали тысячи огней. Лисе знала, что там внизу живут миллионы людей. А она была всего лишь маленькой девочкой с Пушечной улицы. Лисе почувствовала себя ужасно одинокой и закусилла нижнюю губу, чтобы та не дрожала.

Они приземлились в огромном аэропорту, названном в честь какого-то президента-покойника по имени Шарль⁶. Стюардесса помогла Лисе снять с полки ранцы, утешительно похлопала ее по щеке и прошептала, что желает приятно провести выходные в Париже. Лисе шла по длинным коридорам, стояла на длинных движущихся лентах эскалаторов, ждала в долгих очередях перед паспортным контролем. Потом поменяла остаток норвежских денег на евро и осталась почти без сил, когда, выйдя из здания терминала, поставила на заднее сиденье такси ранцы и села рядом.

– У аллеву?⁷ – спросил шофер.

Лисе не знала по-французски ни слова, но что может спросить таксист первым делом? Куда ехать, что же еще. И тут до нее дошло, что во всей этой суматохе она совершенно забыла название пансиона. Она помнила лишь, что в названии упоминается картошка.

– Пансион «Картофель», – предположила она и крепко прижала к себе ранцы.

– Кеске восаве ди?⁸ – произнес шофер вопросительным тоном и посмотрел на нее в зеркало.

– Э-э, – сказала она. – «Картофельные крокеты»?

Шофер повернулся к ней и спросил «У?» уже громче и раздраженным тоном.

Обычно в голове у Лисе все было разложено по полочкам, но сейчас там царил страшный кавардак.

– «Картошка», – сделала она еще одну попытку и почувствовала, как к горлу подкатывают слезы.

Шофер покачал головой.

---

⁶ Парижский аэропорт носит имя Шарля де Голля.

⁷ Куда ехать? (фр.)

⁸ Что вы говорите? (фр.)

– Пансион «Картофельное пюре»?

Шофер разразился длинной французской тирадой, которая вряд ли была формулой вежливости. Потом наклонился к задней двери рядом с Лисе, открыл ее, крикнул: «Аут!» – и резким жестом показал на улицу.

– Пансион «Пом фри!»

Шофер так и застыл, глядя на Лисе. А все потому, что голос, произнесший эти слова, не был похож на голос маленькой девочки, сидевшей на заднем сиденье. И, кроме того, исходил он совсем не от нее, а из школьного рюкзака рядом с ней.

– А, – сказал шофер и просветлел. – Пансион «Ле пом фри»?

Лисе закивала изо всех сил.

Шофер, посмеиваясь, закрыл дверь, завел машину и поехал.

Лисе откинулась на заднем сиденье и облегченно вздохнула.

Рядом с ней кто-то прошептал:

– Эй! Может быть, пора выпустить меня на свободу?

Лисе ключиком отперла замок и открыла молнию на передней стороне рюкзака. Оттуда мигом вылез крохотный мальчишка с огромными веснушками и ярко-рыжим чубом, как у Элвиса Пресли.

– Да здравствует прекрасный воздух свободы, к черту пыль темницы жуткой, – провозгласил Булле и сел рядом с Лисе, сцепив руки за головой.

Он выглядел как ни в чем не бывало, разве что волосы были взъерошены больше обычного.

– Итак, мамуля Лисе, во время полета ты, конечно, ужасно волновалась, как я там?

– Вообще-то, не очень, – сказала Лисе. – Я спала. А что делал ты?

– Я читал книгу «Животные, которых, на твой взгляд, лучше бы не было», пока не разрядилась батарейка карманного фонарика. Кстати, там было написано о конголезском слоне цеце.

– О конголезском слоне цеце? – переспросила Лисе и тут же пожалела об этом.

– Он большой, как дом, и страдает нарколепсией, – пустился в объяснения Булле. – Другими словами, он в любой момент может – брык! – заснуть и упасть. Поэтому лучше держаться от него на безопасном расстоянии, если не хочешь, чтобы тебе на голову свалились восемнадцать тонн конголезского слона. Несколько лет назад один цирк опростоволосился и купил в одном магазинчике живой природы в Лиллесаде огромного слона. Но покупатели не знали, что это был как раз...

– ...конголезский слон цеце, – перебила Лисе со вздохом и посмотрела в окно.

– Именно, – сказал Булле. – Во время первого же представления слон заснул, и всем работникам цирка пришлось выкапывать из песка три поколения русских воздушных гимнастов.

– Ой, перестань, нет таких слонов!

– Еще как есть! Мой дедушка видел несколько экземпляров в Токийском зоопарке. Их привезли прямо из джунглей Конго, и из-за разницы во времени слонам казалось, что они все еще летят на самолете. И поэтому они спали...

Подобным образом Булле продолжал развлекать себя и Лисе до тех пор, пока таксист не остановил машину со словами:

– Мадам-е-месье, пансион «Пом фри».

Они стояли перед высоким узким домом с такими кривыми стенами, будто каменщики, которые его строили, злоупотребляли красным вином. Зато у него были очаровательные маленькие балконы и светившаяся в темноте вывеска, где, вообще-то, должно было быть

написано: PENSIONAT LES POMMES FRITES⁹. Но часть букв не горела, поэтому получилось: PEN ONAT LES POMM F I S¹⁰.

Лисе расплатилась за поездку, и они вышли из такси. Издали доносились звуки аккордеона и хлопки пробок от шампанского.

– Ах... – Булле закрыл глаза и потянул носом воздух. – Париж!..

---

⁹ Пансион «Картофель фри» (*искаж. фр.*).

¹⁰ Fis по-норвежски – пукать.

Они вошли в пансион. За стойкой регистрации стояли улыбающаяся краснощекая женщина и приятный толстячок. Лисе они напомнили ее родителей, оставшихся дома на Пушечной улице.

– Бон суар¹¹, – произнесла женщина.

---

¹¹ Добрый вечер (фр.).

Лисе поняла, что ей сказали что-то хорошее, поэтому она ответила: «Добрый вечер!», слегка поклонилась и толкнула Булле, чтобы тот отвесил глубокий поклон. Она знала: поклониться никогда не помешает, глубоко или не очень – неважно. Как оказалось, это работало и в Париже, потому что двое за стойкой заулыбались пуще прежнего.

– Доктор Проктор? – вопросительно сказала Лисе и приготовилась к новому циклу языковых недоразумений.

Но к ее радости, лицо румяной женщины расцвело:

– О, лё профессор!

– Да, – сказали хором Лисе и Булле и усиленно закивали.

– Восе фамий?¹² – спросила женщина.

На это Лисе и Булле ничего не смогли ответить и только молча уставились на нее.

– Парле ву франсе?¹³ – осторожно спросил мужчина.

– Ты чего головой качаешь? – прошептал Булле.

– По-моему, он спросил, говорим ли мы по-французски, – шепотом ответила Лисе.

Двое за стойкой принялись совещаться между собой. Глядя на них, Лисе и Булле решили, что французский язык очень трудный даже для французов. Чтобы собеседник понял тебя, приходится подключать лицо, обе руки, все пальцы – да что там, все тело.

Наконец женщина схватила один из ключей, висевших на доске у нее за спиной, вышла из-за стойки и приглашающе махнула рукой Булле и Лисе. Она отвела их на двадцать шесть ступенек вверх и на полкоридора в сторону, где и отперла одну из дверей. Номер был меблирован очень просто: две кровати, маленький диван, шкаф и письменный стол, заваленный горой исписанной бумаги. Ну и дверь в ванную, где, видимо, как раз шел ремонт, потому что на полочке под зеркалом рядом с двумя стаканами для чистки зубов лежали молоток, отвертка и тюбик клея. У одной стены стояла ванна. Из проржавевшей трубы капала вода. Пока Булле раскладывал туалетные принадлежности на полочке, Лисе положила рюкзак у письменного стола. Тут-то она и заметила посреди стола рисунок. Изображена была ванна, точно такая же, как та, что в ванной комнате за дверью. Под рисунком теснилось множество цифр. Кто-то долго считал, некоторые вычисления были очень сложные. Похоже, здесь надо было считать в уме, умножать и делить.

– Что это? – спросил Булле, выйдя из ванной.

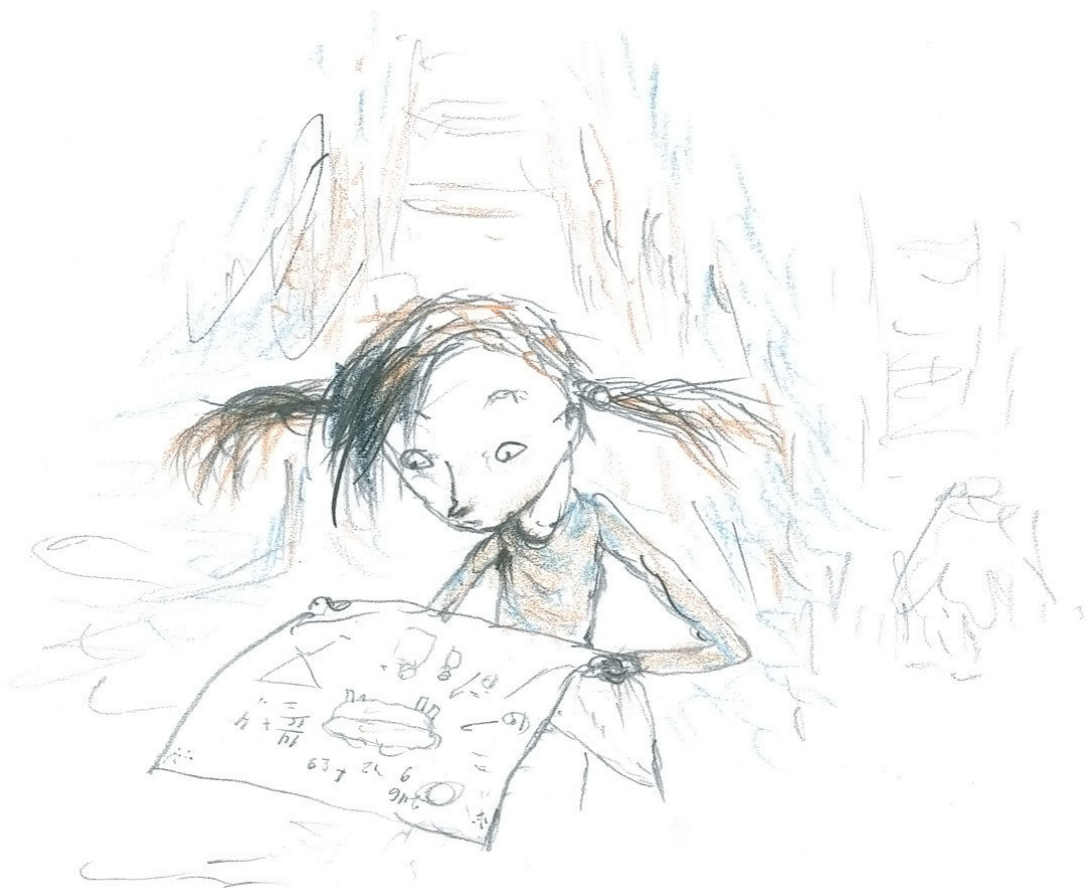
– Не знаю, – сказала Лисе. – Но почерк очень похож на почерк доктора Проктора.

– А вот это похоже на мотоциклетный шлем доктора Проктора, – сказал Булле, открыв дверь шкафа и обнаружив коричневый кожаный шлем. – И на его длинные белые подштанники.

---

¹² Ваш родственник? (фр.)

¹³ Говорите по-французски? (фр.)

Краснощекая и очень французская женщина зашебетала что-то по-французски. Она драматически размахивала руками, без конца повторяла «Эвапоре!»¹⁴ и один раз пальцами изобразила летящую птицу.

– Он исчез, – сказала Лисе.

– Я так и понял, – сказал Булле.

Румяная француженка, растопырив пальцы, вопросительно показала на Булле и Лисе, потом на свой рот.

– Как ты думаешь, что она спрашивает? – спросила Лисе.

– Сколько пальцев можно запихнуть в мой рот? – предположил Булле.

– Чуть. Она спрашивает, хотим ли мы есть.

Лисе низко поклонилась и кивнула, потом подтолкнула Булле, который тоже поклонился и кивнул.

Приветливая француженка отвела их на кухню и пригласила к столу, потом принесла им по куриной ножке, или куриному крылышку, или еще чему-то в этом роде. Главное, это было потрясающе вкусно. Булле так объелся, что даже – о ужас! – рыгнул. Он тут же вскочил и весьма учтиво раскланялся – он считал, что это ему очень здорово удастся. Кроме того, он произнес длинное извинение в стихах, и женщина с мужчиной громко расхохотались, хотя вряд ли поняли хоть одно слово. Закончив речь, Булле зевнул, да так, что казалось, голова его развалится на две части.

Дама вышла и вернулась с двумя комплектами постельного белья, которые передала им вместе с ключом от номера доктора Проктора.

---

¹⁴ Испарился (фр.).

Пока Лисе и Булле разбирали свои постели, Булле сказал, что куриные ножки были такими маленькими, словно курицы были не курицы, а лягушки. Оба рассмеялись: ну кто же будет есть лягушачьи лапки?

– Гм, – сказал немного погодя Булле. – Почему твоя постель выглядит аккуратней моей?

– Потому что одеяло лучше заправлять в пододеяльник, а не в наволочку, – вздохнула Лисе и подошла к постели Булле, чтобы помочь ему.

Потом они отправились в ванную чистить зубы.

– Как нам найти профессора? – сказала Лисе.

– Я слишком устал, чтобы думать, – зевнул Булле, почти закрыв глаза, и отодвинул отвертку на полке, чтобы взять тюбик пасты. – Разберемся завтра.

– Но как мы сможем его найти, если никто не понимает, что мы говорим?

– А мы завтра выучим французский, – сказал Булле.

– Завтра? Это невозможно.

– Да что в этом сложного? Здесь ведь даже дети говорят по-французски.

Булле выдавил немного пасты из тюбика на зубную щетку и стал старательно чистить зубы.

– На это уйдут недели и месяцы, – сказала Лисе. – А как мне кажется, у нас нет этого времени.

– Мы запросто справимся, – буркнул Булле. – В понедельник у меня репетиция в оркестре.

– Перестань нести вздор, Булле. Я серьезно.

Она повернулась к своему другу. Булле улыбался ей, демонстрируя белые как снег зубы. Невероятно белые, по правде говоря. Лисе в жизни еще не видела у него таких белых зубов. Булле был не из тех, кто чистит зубы с утра до вечера.

– Булле, что случилось с твоими зубами? – спросила она. – Булле! Отвечай!

Но Булле продолжал улыбаться белозубой улыбкой, словно его нижние зубы приклеились к верхним. «Да ведь так оно и есть!» – поняла Лисе, заметив ужас в его глазах и то, как дико Булле размахивал зубной щеткой. Она взглянула на полочку с зеркалом. Тюбик с зубной пастой был по-прежнему закрыт, а колпачок с лежащего рядом тюбика клея снят.

Она схватила тюбик и громко прочитала:

– «Быстродействующий суперклей доктора Проктора». Булле, ты взял не тот тюбик!

Булле виновато пожал плечами, улыбаясь идиотской белозубой улыбкой.

Лисе вздохнула и стала копаться в своей сумочке, пока не нашла пилочку для ногтей.

– Стой смирно! – скомандовала девочка. – Помогай!

Булле обеими руками растянул губы, Лисе просунула пилочку в правый угол его рта и стала пилить. Булле напевал «Марсельезу», а Лисе медленно продвигалась слева направо, отделяя его верхние зубы от нижних.

– Ну и ну! – сказал Булле, когда она закончила и он посмотрел на себя в зеркало. – Ты только взгляни на мои белые зубы! Теперь они наглухо запломбированы, в них никогда не будет ни единой дырки, мамуля Лисе. Мне больше в жизни не придется ходить к зубному. – Он схватил тюбик клея. – Хочешь тоже попробовать?

– Спасибо, не надо. Как ты думаешь, зачем здесь лежит Быстродействующий суперклей доктора Проктора? Вместе с напильником и всем прочим?

– Элементарно, – сказал Булле. – Доктор ремонтировал ванну.

– Может быть, – зевнула Лисе. – На сегодня хватит размышлений.

Но когда они уже легли спать, Лисе долго не могла заснуть, прислушиваясь к тому, как в ванной падают капли. Они напоминали ей печальные вздохи. С улицы доносились далекий гул машин и звуки аккордеона. И еще какой-то скрип – то ли уличного фонаря, раскачивающегося на ветру, то ли роликового конька на деревянной ноге.

Хотя неудивительно, что в голову лезли странные мысли: вокруг сгустилась тьма, а Лисе была одна в большом незнакомом городе. Она посмотрела на Булле. Ну, все равно что одна.

«Завтра, наверное, будет веселее», – подумала Лисе.

И как в воду глядела.

Глава 5. Канкан, улитки и Маргарин

Булле проснулся оттого, что Лисе трясла его за плечи.

Он заморгал от дневного света, лившегося в окно, и увидел, что она уже одета.

– Девять часов, – сказала она. – Я пойду искать библиотеку – хочу взять норвежско-французский разговорник.

– Что-что взять?

– Словарь с французскими и норвежскими словами, чтобы люди хоть немножко понимали, что мы говорим.

Булле сел на кровати.

– А как ты найдешь библиотеку?

– Буду спрашивать на улице. Библиотека и по-французски библиотека.

– Я так и думал, – сказал Булле. – А что у нас на завтрак?

– Ничего, – сказала Лисе. – На завтрак здесь подают только воздух и чуть-чуть кофе с молоком.

Я куплю тебе французский батон на обратном пути.

– Поторопись, – сказал Булле и спустил ноги на пол.

Ноги сами собой запрыгали по линолеуму, как будто проверяли, холодный ли пол.

Когда дверь за Лисе захлопнулась, Булле соскочил на пол – который оказался не холодным, а просто ледяным – и помчался в ванную. Вскарабкавшись на стул перед умывальником, он помахал в знак приветствия. Из зеркала ему улыбнулся и помахал в ответ чрезвычайно энергичный рыжеволосый молодой человек небольшого роста, но необыкновенного ума и привлекательности. Да, Булле остался очень доволен парнем в зеркале и решил подарить ему горячую ванну в это зябкое утро.

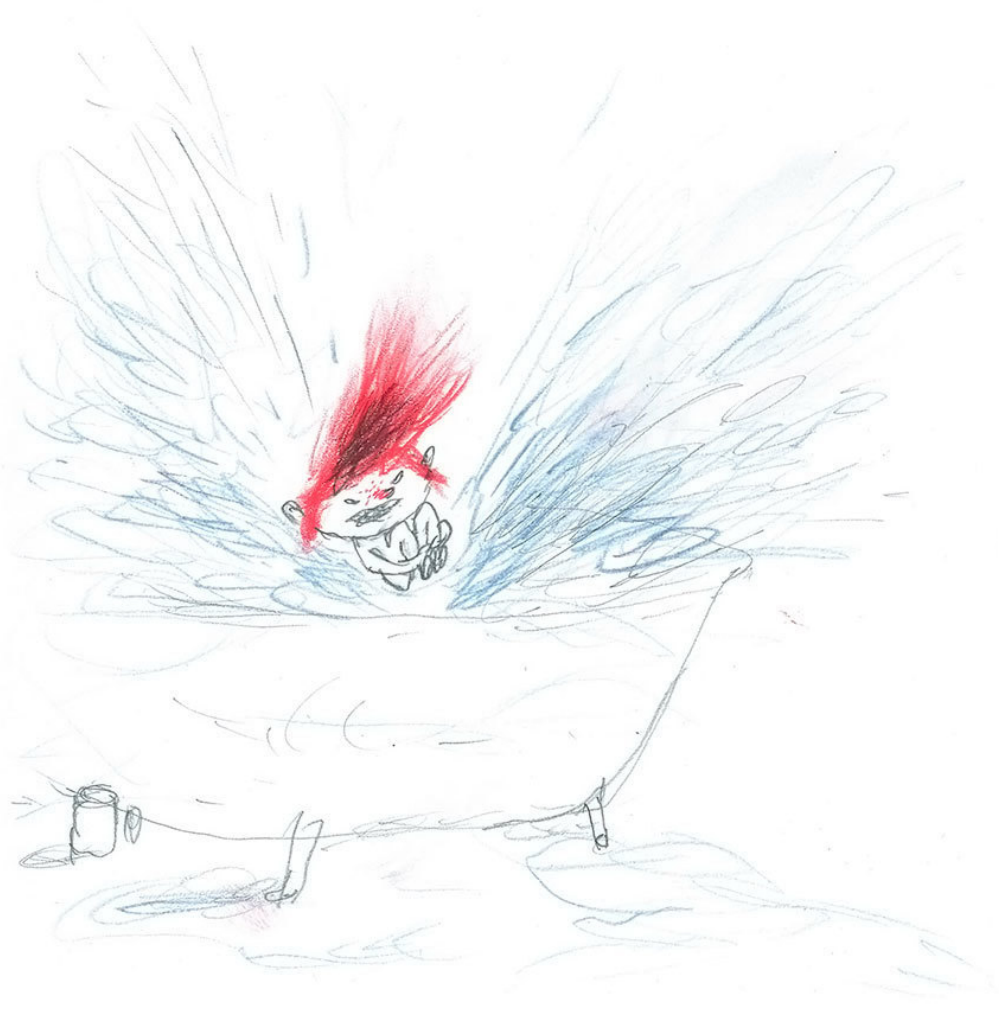
Булле открыл краны и посмотрел, как вода заполняет ванну, а потом стал искать мыло или пенку. Не найдя ничего, он вспомнил, что Лисе взяла с собой мыльную стружку. Он нашел ее рюкзак, а в нем рядом с двумя длинными носами-прищепками лежала, как он и думал, банка с этикеткой «МЫЛО ВРЕМЕНИ». Булле взял один нос и банку, подошел к ванне и насыпал в нее немного землянично-красного порошка.

«Времени или не времени – чепуха. Главное, это мыло!» – подумал Булле, глядя, как вода начала пузыриться, пока пена не заполнила всю поверхность. Булле разделся догола, взобрался на край ванны, нацепил на нос прищепку и завопил:

– Бабах!

В прыжке он обхватил колени руками и плюхнулся в пену. Получилось идеально, с максимальным эффектом: мыльная пена и вода брызнули на стены до самого потолка. Млея от удовольствия, Булле погрузился на дно и остался лежать и смотреть вверх. Поверхность воды была покрыта таким толстым слоем пены, что до дна доходил только слабый свет. В этом свете он увидел необыкновенно красивую радугу. Совсем как на афише с разноцветными танцовщицами, высоко взметнувшими ноги в канкане на сцене «Мулен руж» в Париже 1909 года. В том, который существовал тогда.

И в тот же миг ванна плавно закачалась, а поверхность воды стала вздыматься и опускаться, как будто пол крупно задрожал. Вот черт, неужели рушится дом? И откуда вдруг музыка?

Булле сел и поднялся из пены. И так и остался стоять – абсолютно голый, со стекающей с тела пеной. Пол больше не дрожал. Потому что длинная шеренга одетых в красное танцовщиц канкана остановилась. И уставилась на Булле в таком же изумлении, какое было написано на его собственном лице.

- Откуда он взялся? – услышал он шепот одной из танцовщиц.
- И откуда ванна? – прошептала другая.
- А что у него на носу? – вскрикнула третья.
- По-моему, он милашка, – хихикнула четвертая.

Булле заморгал от яркого света. А публика сидела в зале с открытыми ртами и изумленными лицами, словно присутствовала при немного неожиданной высадке человека на Луну. Булле не понял ничего. Кроме того, что он попал на сцену «Мулен руж».

Лисе шла по широкой улице с множеством модных лавок и парфюмерных магазинов, однако ни одной библиотеки ей пока не попало. Перед выходом она хотела спросить румяную женщину в пансионе, но у стойки регистрации никого не было, если не считать похожего на гиппопотама мужчину в кресле, который недобро покосился на нее из-за газеты. Лисе шла по городу, и решимость ее все больше улетучивалась, потому что все, к кому она обращалась, тут же отворачивались, услышав, что она не говорит по-французски. Она поняла, что не все французы столь отзывчивы к нуждам иностранцев, как давешняя пара в пансионе «Пом фри». Ее взгляд скользил по витринам в поисках книжного магазина. Но почти везде продавали женские платья. Очень красивые, кстати сказать. Лисе остановилась посмотреть на одно совершенно фантастическое платье. И, стоя перед витриной, она вдруг заметила на другой стороне улицы женщину в длинном пальто и темных очках. Она была слишком далеко, чтобы Лисе могла ее рассмотреть, но казалась знакомой. И хотя Лисе еще не была уверена в том, кто эта женщина, она не сомневалась, что та наблюдает за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.